

Putnik, являющийся человеку в ночи на дороге в облике различных животных с целью сбить его с пути, – воплощение нечистой силы, дьявола (которого здесь также называют и *Oleksa u červonih gačah*) во многом аналогичен восточносербским ночным персонажам *oseňa, omaja*, сбивающих человека с пути. Появление как карпатских, так и балканославянских МП этого типа связывается с местонахождением около воды. Кроме того, мотив «чертовской свадьбы», возникающей и внезапно исчезающей в ночи, функция ночного катания верхом на человеке связывают демоническое существо *putnik* и с иными южнославянскими МП (*самодива*, «караконджула»), так или иначе представляющими собой ипостась нечистой силы.

Sarkan' – летающий змей, дракон (лексема венгерского происхождения) – известен практически всем карпатским народам и по функциям аналогичен южнославянским (серб. *змaj, ala* и т. п.) и румынским МП (рум. *bălaur, hala*). То же относится и к человеку, называемому *burivnik*, которому приписывается мощь вызывать или останавливать град, бурю: аналогичные функции имеют западносербские МП *градобранитель, облачар* и под. На Карпатах такой повелитель туч может выступать как предводитель летающего змея, приносящего непогоду (румынская и украинская традиции).

Особая ситуация с МП, называемым *domovuk*. Наименование МП связано с характерным для восточнославянского культурно-языкового континуума образом носителя домашнего богатства, патронажного демона, которого следует задабривать. Вместе с тем характеристики данного МП в закарпатской Верховине указывают на облик дьявольской силы, от которой невозможно избавиться, если ее обретишь (категория опасных для человека духов-обогатителей). Сам способ «добывания» домовика (вынашивание за пазухой яйца в предпасхальный период, с тем чтобы в церкви во время службы при словах «Христос воскрес» проговорить: «И мой воскрес»), связанный с преднамеренным обращением к нечистой силе, имеет прямые аналогии в соседних карпатских традициях (рум. *spiriduș*). Внешний облик духа-обогатителя, называемого *domovuk*, – небольшое животное, неприметное в доме (кошка, змейка, курица), – также соответствует ипостасям данного МП на Карпатах (западноукраинская, румынская, словацкая традиции).

Е. Н. Полякова
Пермь

Закономерности развития русской антропонимии Пермского края в XVI–XVIII вв.

1. Источниками изучения закономерностей развития пермской антропонимии XVI–XVIII вв. являются памятники делового письма разных жанров (имущественные, судебные, переписные и другие акты), отражающие именованья людей в официальных текстах и в живой речи.

2. Антропони́мы гово́ров и скла́дывающе́гося просторе́чия передава́лись в речи истцов, ответчиков, свидетелей в судебных документах («Евдокейка в окошке закричала *ютей де отпусти де меня евдокейку не я де крала тебя сестра моя тан(ь)ка и мы де пропажу твою принесем де всю к тебе назад*») и в показаниях жителей Прикамья в текстах других жанров. Антропони́мы официа́льного языка́ представле́ны в памя́тниках в значите́льно большем количестве, чем имено́вания живо́й речи.

3. официа́льная антропони́мия в документах Пермского́ края скла́дыва́лась под влия́нием центра́льных документов, приче́м особую́ роль в это́м влия́нии игра́ли переписные́ тексты: писцовые (1579, 1623 гг.), переписные (1647, 1678 гг.), дозорные книги (разных лет XVII в.), ревизские сказки (1711, 1762, 1782 гг.). В них последовательно́ представле́но, как на протяжении́ трех веков выраба́тыва́лись нормы́ сложных имено́ваний: от двучле́нного мужского́ антропони́ма в XVI в. к трех-, четы́рех- и иногда́ пятичле́нному в XVII в. и да́лее – к трехчле́нному имено́ванию в XVIII в.

4. Под влия́нием центра́льных текстов в Прика́мье скла́дыва́лась терминологи́я, характери́зующая ка́ждый вид имено́вания: *имя*, *прямо́е имя* (календа́рное), *отчество*, *с отцы*, *прозви́ще*. В XVII в. слово́ *прозви́ще* было́ много́значным, им называ́ли: 1) некаленда́рное имя; 2) личное́ имено́вание, характери́зующее́ челове́ка по ка́ким-ли́бо его́ качества́м, роду́ заня́тий, месту́ прожизнания́ в про́шлом; 3) имено́вание се́мьи.

Кроме́ обы́чного в делово́м письме́ термина́ *прозви́ще*, при пере́даче показа́ний местны́х жителе́й использова́лись слова́ *прозванье*, *назви́ще* и *название*: «Имени́ тому́ десятнику́ и *прозванья́* он Григорей не веда́ет», «Федор по *назви́щу* Томила́ Агафо́нов сын Носов». При редакти́ровании показа́ний местны́х жителе́й («Ивашка́ по *назви́щу* Добра́я Корова́») в официа́льных текста́х их заменя́ли сло́вом *прозви́ще* («Ивашка́ по *прозви́щу* Добра́я Корова́»), т. е. писцы́ о́щущали стилисти́ку антропони́мических терми́нов.

5. Несмотря́ на одина́ковое, ка́залось бы, возде́йствие норм центра́льных текстов, на обши́рной террито́рии Пермского́ края́ в разных уезда́х им следова́ли не со́всем одина́ково. Так, в переписной́ книге́ 1647 г. по вотчина́м Строга́новых сло́во *прозви́ще* последовательно́ обозна́чало некаленда́рное имя, записа́нное после́ календа́рного, в отличие́ от текстов дру́гих райо́нов края́ (Черды́нского, Солика́мского, Кунгу́рского уездов), где та́кой последовательности́ нет.

6. Отмеча́ются следующие́ основны́е закономе́рности изме́нений имен в деловы́х памя́тниках Прика́мья XVI–XVIII вв.

6.1. Распро́страненные в XVI – первой́ половине́ XVII в. наряду́ с календа́рными некаленда́рные мужские́ имена́ с середи́ны XVII в. активно́ вытесня́лись из официа́льного антропони́ма календа́рными полны́ми имена́ми или их деривата́ми, а в конце́ XVII в. полностью́ ушли́ из официа́льных актов, хотя́ сохра́нялись в живо́й речи.

6.2. Же́нские некаленда́рные имена́ в исследова́нных памя́тниках не обнару́жены. С XVII в. в текста́х отмеча́ются имено́вания же́нщин на *-ух(а)*, образова́нные от русски́х и нерусски́х имен и прозви́щ мужей: *Терешиха*, *Короли́ха*, *Анаси́ха*.

6.3. Русские́ жители́ Пермского́ края́ находи́лись в постоя́нном обще́нии с коми́ и тюркским́ населе́нием. Некаленда́рные мужские́ имена́ коми́ происхо́ждения в тек-

стах XVI – начала XVII в. частично сохранялись без изменений («Крестьянин *Вилес Иванов*»), частично переводились на русский язык, хотя топонимы, образованные от этих же имен, сохраняли свою коми форму: «В деревне *Нырыб* крестьянин Иванко *Нос*» (коми *ныр* ‘нос’, *ыб* ‘поле’). Тюркские имена в русских сложных антропонимах пермских памятников XVI–XVIII вв. не обнаружены.

6.4. От полных некалендарных и календарных имен в живой речи образовывали большое количество дериватов, использовавшихся с XVI в. в качестве основных (первых) имен в официальных антропонимах, ср.: от некалендарного имени *Первый* дериваты *Первак*, *Первуша*, *Первыня*, *Первыша*; от календарного *Варфоломей* дериваты *Варушка*, *Варфоломейко*. К тому же возникали варианты полных календарных имен (*Варфолома*, *Вахромей*), от которых появлялись дериваты (*Вахромейко*, *Вахрушко*). В результате система дериватов оказывалась очень емкой.

6.5. Канонические имена в деловых документах фиксировались непоследовательно. Ими называли преимущественно служителей церкви («Села Говорливого поп *Иоаким* Васильев сын Собянин») и их детей, но иногда и посадских людей, и крестьян. В то же время церковников даже в переписных текстах именovali календарными и изредка некалендарными именами.

7. В пермских документах соблюдалась общерусская сословная система именований по отцу (на *-вич* или с термином *сын*). Однако, хотя именования по отцу (отчества) в русском деловом письме с XVI в. были приняты только от календарных имен, в пермских текстах первой половины XVII в. отмечаются и отчества от некалендарных имен («Семенка *Вакорев сын* Туфтаев»). В частных письмах XVII–XVIII вв. по отношению к адресатам – посадским людям использовались отчества на *-вич* («*Ивану Ивановичю*»), хотя в переписных текстах тех же людей именovali иначе («*Иван Иванов сын*»).

8. К первой четверти XVII в. относится начальный этап формирования семейных прозвищ в Прикамье, употреблявшихся далее на протяжении XVII столетия и становившихся фамилиями жителей всех социальных слоев. Их появление обусловлено социальными и экономическими причинами. Фамилии в XVII в. возникали преимущественно из некалендарных имен и индивидуальных прозвищ, значительно реже – из календарных имен и их дериватов. В XVIII в. резко возрастает количество фамилий из полных календарных имен и их дериватов, чему способствовали изменения в деловом языке.

9. Изучение истории пермской антропонимии XVI–XVIII вв. позволило установить общерусские закономерности ее развития, роль делового языка в этом процессе и показать особенности становления русской антропонимии к концу XVIII в. на отдельной российской территории.